

Н. А. КАРЛИК,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук
Института управления и экономики, кандидат философских наук

«КРУГ ЧТЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что вся новая и новейшая отечественная литература связана с литературой древнерусской. Среди писателей, оказавшихся особенно восприимчивыми к влиянию традиций древнерусской литературы, следует назвать Л. Н. Толстого. В начале XX века им была создана из произведений афористических жанров, а также из художественных, публицистических и философских творений, в том числе своих собственных, оригинальная религиозно-философская книга — «Круг чтения».

В творчестве писателя «Круг чтения» занимает особое место как произведение итоговое, хронологически, логически, мировоззренчески и эмоционально подводящее черту под всем написанным в послепереломный период его литературной деятельности. Задачи, которые преследовал Толстой в «Круге чтения», не исчерпываются практической на-

правленностью на духовное обновление общества, но включают в себя и реализацию плана самосовершенствования. Книга создавалась Толстым как одно из последних произведений, в котором ему хотелось наиболее полно представить основные положения своего учения.

Расширение контекста «Круга чтения» через обращение к культурной системе средневековья открывает дополнительные возможности как при анализе содержательных особенностей произведения, так и при выявлении принципов расположения в нем афористического материала. Способы идеологического и эмоционального воздействия на читателей, использованные Толстым, также могут быть рассмотрены с точки зрения того общего, что, несомненно, у них есть с приемами внушения, воздействия на публику, которыми пользовались несколько столетий назад отечественные ораторы.

«Круг чтения», как и ряд других произведений позднего Толстого, до последнего вре-

мени находился на периферии научных интересов. Что же касается других произведений писателя, которых не обошли вниманием исследователи, то преемственность, сопрягающая их и древнерусское искусство, уже давно была установлена. Проблема влияния на Толстого древнерусской литературы неоднократно поднималась на страницах отечественной критики. В частности, варианты решений вопроса о значении контекста средневековой литературы при определении жанровой природы таких произведений писателя, как «Война и мир», народные рассказы, «Исповедь», «Азбука» рассмотрены в работах Д. С. Лихачева, Б. М. Эйхенбаума, А. А. Сабурова, Э. Г. Бабаева. Из возможных методов, которые исследуют влияние традиций древнерусской литературы на творчество Толстого, наиболее перспективным при изучении «Круга чтения» выглядит метод, предложенный Е. В. Николаевой: в своих исследованиях она делает особый акцент на выявлении неявных форм культурной преемственности, выходящей за пределы «заимствований» и «влияний».

Толстой не ориентировался при создании «Круга чтения» ни на четьи книги, ни на другие архаические литературные формы. Произведение Толстого в значительной степени отличается от «душеспасительных чтений» древнерусских авторов. Сопоставив «Круг чтения» с Четьими Минеями Дмитрия Ростовского, можно сделать вывод: несмотря на то, что в древнерусском календарном цикле и во многих других сборниках литературный материал распределен по дням и месяцам, логика календарного круга в них иная, чем в произведении Толстого.

У Толстого «Чтения» расположены просто в порядке чисел месяца (с 1 января по 31 декабря); в древнерусских же четьих сборниках — по дням памяти святых и церковных праздников. Что касается монологизма исследуемой книги, то он обусловлен желанием Толстого представить в ней главные положения своего учения; монологизм же древнерусской культуры определяется ее ориентацией на библейские истины.

От четьих книг, являющихся по сути сборниками житий, «Круг чтения» отличается и качественным составом представленного в нем материала, и его жанровым своеобразием. Толстой, хотя и подбирал для своей книги разного рода биографии-жития мучеников, святых, и даже неправославных, в окончательный текст их не включил. Традиционным житиям не нашлось места в «Круге чтения»: единственная дань житийной форме — «недельное чтение» о Паскале. Жизнеописание французского мыслителя построено Толстым по законам именно житийного жанра: харак-

тер, композиционная и стилистическая структура этого произведения имеют много общего с агиографическими памятниками средневековья. При том, что Толстой соблюдал в чтении о Паскале почти все требования канонического жития, он в этом произведении смоделировал и типичный сюжет собственной жизни и жизни многих своих героев. Жизнь Паскаля осмыслена им как переход от желания славы к осознанию ее ничтожества, к разочарованию в ней и в конечном счете — к простоте.

При анализе влияния древнерусской литературы на творчество Толстого особое внимание следует уделить сопоставлению его риторического идеала с представлениями средневековых авторов о том, какой должна быть образцовая речь. И в отношении к слову, и даже в отношении к молчанию у автора «Круга чтения» и древнерусских авторов было много общего. Среди вспомогательных средств, использованных Толстым при реализации в текстах риторического идеала, можно встретить образы, популярные у древнерусских риториков, например: образ огня, образ пути, образы агонального характера и др. Такого рода совпадения в произведениях, разделенных несколькими веками, объясняются спецификой жанра философского изречения, предъявляющего авторам определенные требования (дидактика, использование архитектурных образов).

Из древнерусских риторических произведений толстовским чтениям по содержанию, форме и языку более всего близки поучения и беседы. Если сравнить с чтениями Толстого поучения «к простой чади», например «Почтение философа, епископа Белгородского», то можно заметить при решении сходных задач одинаковое использование авторами разного рода риторических фигур и конструкций. Анализ авторского обращения к кружку молодежи «Любите друг друга», включенного в книгу в качестве «недельного чтения», демонстрирует целый ряд специфических риторических приемов, явно заимствованных Толстым из арсенала древнерусских риториков.

Построены чтения Толстого так же, как и поучения, слова и беседы древнерусских авторов: в эксординуме оговаривается характер обращения, формулируется главный тезис; в наррации этот тезис доказывается, в том числе и с помощью опровержения враждебной точки зрения; в конклюдии читатель получает советы, рекомендации, напутствия, связанные с применением на практике полученных знаний. Очевидно, что жанровая специфика «составляющих» определяет роль, которую они должны были играть в чтении. Учитывая тот факт, что каждое чтение построено Толстым

как риторическое обращение к читателю и состоит из частей, традиционных для ораций подобного рода, можно сделать вывод, что жанр для своих произведений Толстой выбирал с учетом цели, ради которой они создавались.

Так, например, риторическая традиция предполагала любое обращение к аудитории начинать с пропозиции — объявления темы и определения содержания будущей орации. Естественно, что произведение, созданное в жанре афористического фрагмента, вряд ли могло претендовать на это. Зато афоризм, в отличие от других афористических жанров, ничего не доказывающий и не аргументирующий, как нельзя более подходил для этой роли. Оригинальным оформлением мысли о всем известном предмете или явлении он сразу привлекал внимание читателей. Дефиниция также была уместна в приступе: читатель с первых слов узнавал, что представляет собой предмет, о котором пойдет речь. Для наррации и конклюдзии необходимо было подбирать произведения с учетом тех задач, которые решались в каждой из этих частей.

Цикловая форма построения «Круга чтения» является традиционной и для древнерусских сборников. Цикл толстовской книги строился нанизыванием на один стержень всего, что соответствует мировоззренческой концепции ее автора, подобно тому, как в древнерусской литературе произведения одних жанров «наращивались» произведениями других жанров. В результате и у древнерусских составителей, и у Толстого получалось новое жанровое образование, единство которого поддерживали риторические скрепы: с помощью разных приемов и средств (у Толстого даже из уст разных мыслителей) читателю внушалось, как жить хорошо, а как дурно.

Выявление связей русской литературы с древнерусской и определение духовных ис-

токов отечественной словесности является одной из наиболее актуальных задач, стоящих на сегодняшний день перед исследователями. Включение поэтической системы позднего Толстого в контекст подчительной традиции и риторической практики средневековья может быть рассмотрено как один из возможных вариантов решения этой задачи.

При этом, исследуя реминисценции древнерусской литературы в произведениях автора «Круга чтения» (образы, символы, нравственно-этические суждения), важно иметь в виду, что отдельные точки соприкосновения Толстого с древнерусскими авторами далеко не исчерпывают связи писателя с литературой прошлого. Д. С. Лихачев находил проявление древнерусского начала у Толстого не только в «этическом оптимизме» его «древнерусского» взгляда на историю, но даже «в его внешности, в манере одеваться (особенно в старости), в манере себя держать».

Предостерегая исследователей от узкого понимания факторов влияния на Толстого средневековой литературы, Д. С. Лихачев подчеркивал, что Толстой «был весь связан с тысячелетними устоями русской жизни», что для него древнерусская тема «не ограничивалась, как это обычно считается, его увлеченным использованием патериков, четьих миней, легенд, летописей и былин». Реализацию тех многовековых традиций русской литературы, в русле которых Толстой жил и писал, Д. С. Лихачев видел прежде всего в этической заданности художественных решений его произведений. В соответствии с этим задачей исследователей становится не поиск частных случаев заимствования Толстым в древнерусской литературе тех или иных тем и сюжетов, а выявление в его произведениях общих способов разрешения конфликтов и религиозно-нравственных вопросов в духе моральных и художественных основ «предания».